

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 12-го Июня 1911 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10316

Деревенский продуктъ.

(Изъ лѣтнихъ миниатюръ).

Поѣздъ свиститъ протяжно и громко,—такъ свисталъ когда то, по всей вѣроятности, Соловей-разбойникъ,—и останавливается у желѣзнодорожной платформы „Гнилая Шпала“. Изъ вагона вылѣзаетъ семья Мымрецовъ, пріѣхавшихъ въ гости къ Дерягина мъ, проживающимъ въ четырехъ верстахъ отъ платформы, въ деревушкѣ „Горѣлый Пень“. Высадивъ Мымрецовъ, поѣздъ свиститъ опять, трогается съ места и скрывается, говоря слогомъ романистовъ доброго старого времени, въ туманной дали. Мымрецовы оглядываются по сторонамъ глазами людей, выброшенныхъ на необитаемый островъ.

Кругомъ—никого и ничего.

— Пустынная мѣстность! печально говорить Мымрецовъ. Даже немного жутко. Чувствуешь себя какимъ-то, съ позволеніемъ сказать, Пир на сѣверномъ полюсѣ.

Онъ шагаетъ по платформѣ, прикладываетъ руки ко рту и кричитъ басомъ:

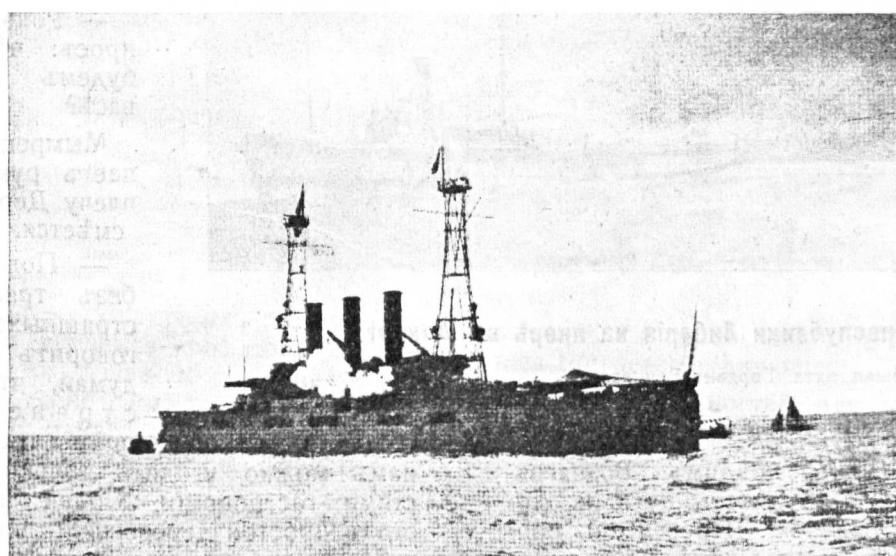
— Есть ли тутъ живъ-человѣкъ? Отзовись!

За штабелемъ старыхъ шпалъ слышится возня; изъ-за штабеля выходитъ желѣзнодорожный сторожъ, дряхлый старикъ съ желтопѣгой бороденкой, глухой на одно ухо.

Гарріетъ Бичеръ-Стоу.

2 июня исполнилось сто лѣть со дня рождения извѣстной американской писательницы, своимъ романомъ „Хижина дяди Тома“ содѣйствовавшей освобожденію негровъ въ Америкѣ.

„Луизіана“.

Адмиральское судно американской эскадры, недавно посѣтившее Кронштадтъ.

— Что нужно? шамкаетъ онъ.

— Ты здѣшний, любезный? спраши-

ваетъ его Мымрецовъ.

— Здѣшний.

— Отлично. Объясни, какъ намъ пробраться въ „Горѣлый Пень“.

— Въ „Горѣлый Пень“? Простая штука, господинъ хороший. Ступайте вы по этой самой тропочкѣ (старикъ указалъ на тропочку, бѣжавшую возлѣ платформы), потомъ сверните направо, черезъ лѣсокъ по болотцу въ

поле выйдете, полемъ держитесь лѣвой руки до самаго ручешишки (махонькій ручешишка вамъ перебѣжть дорогу), а перейдете ручеекъ, тутъ прямо ступайте, все прямо, какъ вороны летаютъ... Ручей переходить будете, разуйтесь, хорошій господинъ, а супругу и дѣтокъ перенесите на рукахъ.

— Стой, стой! Да развѣ тамъ не существуетъ моста?

— Дошечки махонькой и той нѣтъ, а не то, чтобы настоящему мосту быть! Мостъ чрезъ этотъ самый ручей есть, но только въ „Горюшкахъ“, и ежели на мостъ идти, семь верстъ крюку нужно дѣлать. Но вы не извольте беспокоиться: послѣ дождей, или вотъ по веснѣ, тамъ глубоко бываетъ, до пояса бываетъ и глубже, а теперь въ ручѣ воды не выше колѣнъ. Разуетесь, подсунчите брючки повыше и перейдете въ лучшемъ видѣ.

— Черть знаетъ, что такое! возмущается Мымрецовъ. А что, любезный, если бы туда лошадь нарята? Здѣсь нѣтъ лошади?

— Нѣтъ, лошади здѣсь нѣтъ, господинъ. Зачѣмъ ей здѣсь быть? Тутъ которые гости на фабрику пріѣзжаютъ, за ними и лошадей съ фабрики присылаютъ. Товаръ везутъ съ фабрики опять на фабричныхъ лошадяхъ. А дачникъ изъ „Горѣлаго Пня“ пѣшкомъ вѣдь и впередъ на платформу ходить. Въ „Горѣломъ Пнѣ“ нѣтъ бо-

Куртисъ Джильдъ.

Новый посолъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ при русскомъ Дворѣ.

гатаго дачника, потому—богатый дачникъ не поѣдетъ на дачу въ „Горѣлый Пень“.

— Такъ ты говоришь, любезный, нужно идти по этой тропинкѣ?

— По этой самой, господинъ.

— Ну, Петя, Вася, Любочка, въ путь. Въ путь, Анна Викторовна!

Мымрецовы прощаются со сторожемъ, который желаетъ имъ всякаго благополучия, не забывая при прощанье попросить на чаекъ. (Мымрецовъ даетъ; что бы онъ сдѣлалъ безъ драгоценныхъ указаний сторожа относительно пути?) и шагаютъ по направлению къ „Горѣлому Пню“.

Солнце жжетъ и палить немилосердо; обильный потъ выступаетъ у путниковъ на лбу, носу и щекахъ. Первое время Мымрецовъ бодрится и даже запѣваетъ: „Знойной мы степью идемъ“, но черезъ четверть часа картина мѣняется. Дѣтишки бредутъ съ покраснѣвшими лицами и, кажется, ищутъ удобнаго случая хорошо побраниться.

Черезъ двѣ версты дѣлаютъ привалъ въ тѣни деревьевъ. Вмѣстѣ съ прохладой въ серда супруговъ сходять миръ и тишина.

— Вотъ приключение—на удивленье! поеть Мымрецовъ, пожимая плечами, и улыбка бѣжитъ по губамъ его жены.

— Богъ знаетъ, что такое! говоритъ она.

— А знаешь, Аня, все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ! восклицаетъ Мымрецовъ. И то, что мы идемъ по жарѣ въ „Горѣлый Пень“, къ лучшему: чистый деревенскій воздухъ никогда не вреденъ, а зато какой мы нагуляемъ себѣ аппетитъ!

— Особенно ты, которому придется перетаскивать насъ черезъ како-то ручей!

— Да, особенно я. И это къ лучшему: я, вѣдь, лишенъ почти всякихъ физическихъ упражнений. Пусть хоть это послужить физическимъ упражнениемъ для меня.

Мымрецовъ ма- шетъ себѣ въ лицо шляпой и говоритъ:

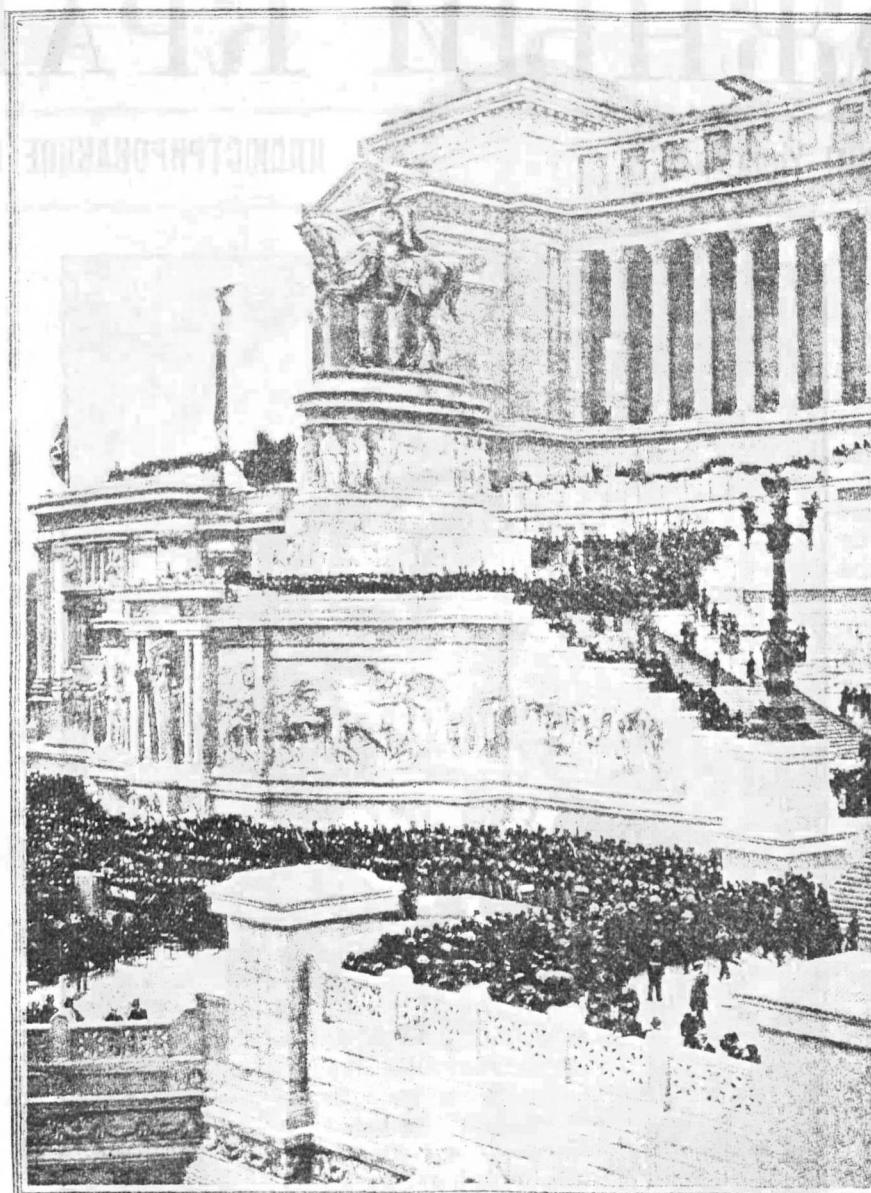
— Уже теперь, Аня, я чувствую, по истинѣ, волчий аппетитъ: мнѣ кажется, я могъ бы съѣсть цѣлаго теленка. А что будетъ послѣ того, какъ я произведу физическое упражненіе, да пройду еще двѣ версты? Тогда я съѣмъ окорокъ на придачу къ теленку! Взгляни на дѣтишекъ: какія у нихъ розовые щеки, какіе жадные глаза! Они тоже есть захотѣли. Любочка, хочешь кушать?

— Хочу.

— А ты, бутузъ?

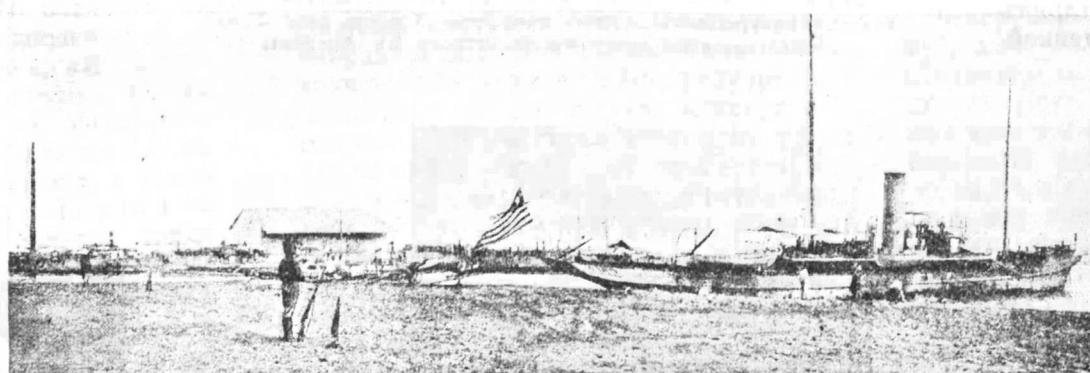
— Я тоже хочу.

— Отлично, великолѣпно. Дойдемъ

Памятникъ Виктору-Эммануилу, недавно открытый въ Римѣ.

Статуя „отца отечества“ короля Виктора-Эммануила. Кругомъ—колossalное зданіе—алтарь отечеству или новый Капитолій. Подъ портиками—музей итальянского возрожденія. Памятникъ строился 25 лѣтъ и стоить свыше 37 милл. лиръ.

Адмиральское судно Республики Либерія на якорѣ въ Дакарѣ.

Бывшая яхта Гордонъ-Беннера.

до Дерягинъ, поѣдимъ. Вознаградимъ себя за трудность пути и дорожная страданья. Деревенскій продуктъ—свѣжій продуктъ, не то, что въ городѣ, гдѣ и фальсификація пошливаєтъ, да и вообще, молоко, масло, творогъ зачастую не первой свѣжести. Въ деревнѣ то и поѣсть. Дачники, живущіе въ деревнѣ, толстѣюгъ не по днамъ, а по часамъ. И мы потолстѣемъ къ вечеру, дѣти, и будемъ годиться для выставки въ музей. Насъ посадятъ въ большой стеклянный шкафъ, а вверху повѣсятъ билетикъ: „Мымрецовы. Первые тол-

ямъ можно угодить только тонкостями гастрономіи. Подай намъ на столъ простой деревенскій продуктъ, и баста.

— Какой это деревенскій продуктъ? — изумляется Дерягинъ.

— Ну, масло, молоко, творогъ.

— Мило! Какъ я могу подать тебѣ масло, молоко и творогъ, когда во всемъ „Горѣломъ Пнѣ“ только одна коровенка, да и та, по всей видимости, ящуромъ страждеть?

— Ящуромъ? Наше мѣсто свято!

Мымрецовъ пятится и говоритъ упавшимъ голосомъ:

стяки Европы. Внѣ конкурренціи. Вотъ что будетъ съ нами къ вечеру послѣ деревенскихъ продуктовъ, дѣтвора!

Анна Викторовна смеется, а Мымрецовъ поднимается съ мѣста и говоритъ:

— Ну, въ путь. Съ Богомъ.

Черезъ полчаса путники приходятъ въ „Горѣлый Пень“. Деревушка производитъ на нихъ унылое впечатлѣніе, до того она плоха и убога,—и такъ какъ хвалить въ ней рѣшительно нечего, то, оглядѣвъ деревушку, Мымрецовъ произносить:

— Но воздухъ здѣсь, воздухъ дьявольски хороши. Дышишь, Аня, и чувствуешь, какъ въ грудь вливается что то, похожее на цѣлебный бальзамъ. Нѣть, ни въ одномъ городѣ не найти такого воздуха! За сто тысячъ не найти.

Дерягина встрѣчаютъ гостей съ распластанными объятьями.

— А, гости дорогие: говорятъ они. Вотъ отлично сдѣлали, что прїѣхали.

— Мы не только прїѣхали, мы даже и пришли! объясняетъ Мымрецовъ. Шли, шли, глаза вытарашили, устали и проголодались, буду говорить прямо, до чертиковъ. А потому, друзья мои, спрошу словами изъ какой то оперетки: „въ которомъ часу у васъ Ѣдятъ?“

Дерягина блѣднѣютъ и вѣшаютъ головы.

— Боже мой, Боже мой, отчего вы не предупредили, что думаете нынче прїѣхать? спрашиваютъ они.

— А что?

— Роковой вопросъ: чѣмъ мы будемъ кормить васъ?

Мымрецовъ хлопаетъ рукой по плечу Дерягина и смеется.

— Пожалуйста, безъ трагедій и страшныхъ словъ, говорить онъ. Не думай, что мы—странствующіе гранды, и

намъ можно угодить только тонкостями гастрономіи. Подай намъ на столъ простой деревенскій продуктъ, и баста.

— Какой это деревенскій продуктъ? — изумляется Дерягинъ.

— Ну, масло, молоко, творогъ.

— Мило! Какъ я могу подать тебѣ масло, молоко и творогъ, когда во всемъ „Горѣломъ Пнѣ“ только одна коровенка, да и та, по всей видимости, ящуромъ страждеть?

— Ящуромъ? Наше мѣсто свято!

Мымрецовъ пятится и говоритъ упавшимъ голосомъ:

— Ну, подай намъ яицъ, братецъ.
— Яицъ? Недѣлю тому назадъ влѣдецъ послѣдней курицы, Кузьма Шершавый, курицу свою въ городъ свезъ и вырученныя деньги въ казенку снесъ для увеличения доходовъ по министерству финансовъ. Захотѣлъ ты добыть яицъ въ „Горѣломъ Пнѣ“.

— Однако, мѣстечко!

— Проклятое мѣстечко! ругается Дерягинъ.—Такое мѣстечко, которое лихому татарину не посулишь.

— Но въ лавкѣ нельзя ли чего взять?

— Въ „Горѣломъ Пнѣ“ нѣтъ лавокъ.

Мымрецова охватываетъ отчаяніе.

— Но что-же здѣсь есть?—спрашиваетъ онъ трагически.

Дерягинъ думаетъ и говоритъ съ печальной улыбкой:

— Воздухъ. Больше ничего. Впрочемъ, нѣтъ: есть жалкіе остатки资料а обѣда да кусокъ старой колбасы, что остался отъ третьяго дня. Подожди, я къ сосѣдямъ сбѣгаю: можетъ быть, у нихъ добуду хоть что-нибудь.

... Вечеромъ голодные Мымрецовы бредутъ на платформу обратно.

Дѣтишки всхлипываютъ и просятъ ъсть.

Генералъ Гуаранъ.

Новый французскій военный министръ.

были, возвращаютъ меня къ дѣятельности и разрушаютъ иллюзію, необходимую мнѣ для того, чтобы изображать лицъ моихъ ролей. Меня очень радуетъ, что его величеству понравилась моя игра. Очень благодарю за комплименты, но дайте понять его величеству, что этого достаточно". Импресаріо не рѣшился передать такой отвѣтъ королю и передалъ слова Дузе управляющему королевскими театрами съ тѣмъ, чтобы онъ въ свою очередь передалъ ихъ гофмаршалу и т. д. Несмотря на это, король въ слѣдующемъ антрактѣ все-таки явился за кулисы въ сопровожденіи управляющаго и одного изъ флигель-адъютантовъ. „Будьте добры представить меня г-жѣ Дузѣ“.

— Ваше величество, я уже съ сожалѣніемъ докладывалъ г. директору, что г-жа Дузе очень утомлена и не въ состояніи принимать...

— Хорошо. Укажите мнѣ въ такомъ случаѣ, гдѣ уборная вашей звѣзды.

Импресаріо поспѣшилъ исполнить это желаніе.

Король постучалъ.

— Кто тамъ?

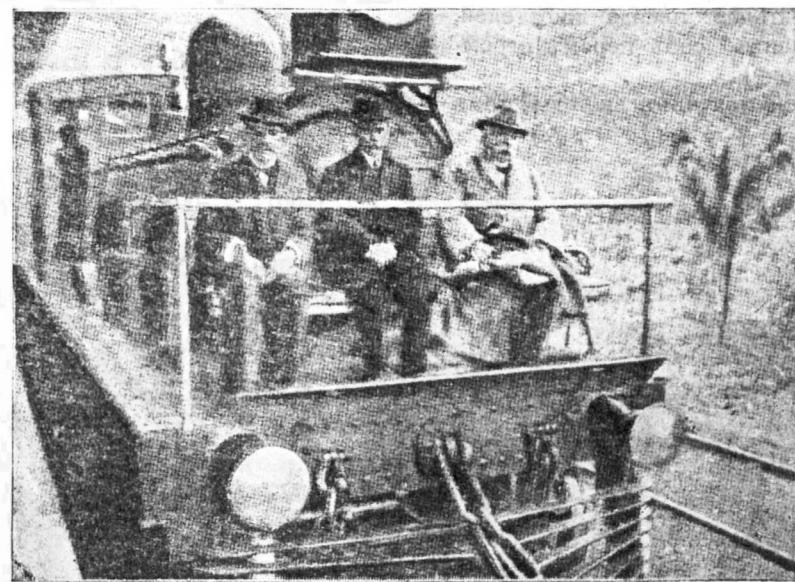
— Король.

— Сожалѣю, что не могу принять, ваше величество,—я переодѣваюсь.

Чокрабонъ.

Сіамскій принцъ.
По случаю его прїѣзда въ Петербургъ.

Балконъ на локомотивѣ,

дающій возможность путешественникамъ любоваться открывающимися видами.

сказываетъ въ своей книжѣ (*Journal de mes tournées*) слѣдующее:

„Къ числу странностей или капризовъ знаменитой артистки принадлежало и то, что она во время представленія отклоняла всякія посѣщенія и бесѣды. Въ Брюсселѣ на приглашеніе королевы Луизы пожаловать въ ея ложу она отвѣтила отказомъ. То же произошло и въ Штутгартскомъ придворномъ театрѣ. Послѣ первого акта король освѣдомился, когда онъ могъ бы зайти къ артисткѣ, чтобы привѣтствовать ее и выразить ей свое искреннее и пламенное желаніе видѣть ее на сценѣ королевскаго театра. „Передайте его величеству, отвѣтила Дузе, что я очень тронута его добротой, но рѣшительно не могу его принять. Посѣщенія, чьи бы они ни

— Ничего, сударыня, я обожду, пока вы будете готовы.

— Не дѣлайте этого, государь. Я уже просила благодарить ваше величество, но принимать посѣтителей я не могу.

— Сударыня!..

— Не настаивайте! Я выйду изъ этой комнаты и буду продолжать представление только тогда, когда мнѣ заявятъ, что вы ушли.

Страшно обиженный король удалился. Нѣсколько минутъ спустя за кулисы явился управляющій театромъ.

— Надѣюсь, вы поняли,—сказалъ онъ импресаріо, что придворный театръ отнынѣ для вашихъ представлений закрытъ, и что вы никогда уже его не получите.

СМѢСЬ.

Какъ Дузе не приняла короля Вюртембергскаго.

Объ этомъ интересномъ эпизодѣ импресаріо знаменитой артистки раз-

Литературные гонорары въ Англіи.

Литературные гонорары за послѣднее время въ Англіи достигли колоссальныхъ размѣровъ.

Шекспиръ, какъ известно, не получилъ ни одного шиллинга отъ издателя своихъ произведений. Положеніе безвыходной нищеты, въ какомъ находились англійскіе писатели того времени, лучше всего характеризуется эдиктомъ короля Якова I, въ силу которого историкъ Джонъ Стоу, въ награду за свои ученые труды, получилъ разрѣшеніе „обратиться въ публичныхъ мѣстахъ къ ближнимъ съ просьбой о посильной милостинѣ.“ Мильтонъ за три изданія „Потерянаго Рая“ получилъ всего 15 фунтовъ стерлинговъ.

Въ XVIII столѣтіи въ положеніи англійскихъ писателей произошелъ благопріятный поворотъ. Ребертъ Берисъ выпускаетъ второе изданіе своихъ стиховъ, и благодаря тому, что книга встрѣтила очень хороший приемъ въ обществѣ, получаетъ отъ издателя тысячу фунтовъ стерлинговъ (10 тысячъ рублей). Первое изданіе „Путешествія Гулливера“ дало Свифту 150 фунтовъ стерлинговъ.

Въ девятнадцатомъ столѣтіи въ англійскую литературу побѣдоносно входитъ цѣлая плеяда писателей, составившихъ себѣ первомъ огромныя состоянія.

Маколей получилъ за пятый томъ

„Нищий“,— картина В. Е. Маковскаго. Приобрѣтена Государемъ Императоромъ на передвижной выставкѣ картинъ 1911 г.

— Укротительница львовъ заставляетъ льва вынуть изъ ея рта осторожно кусочекъ сахара.—Взрывъ апплодисментовъ. Вдругъ раздается голосъ господина: Ну, это и я могу сдѣлать.—Вы? спрашиваетъ высокомѣрно укротительница. Конечно, отвѣчаетъ онъ, и не хуже чѣмъ левъ. („Flied. Bl.“).

— Очень интересна ваша огуречная грядка, г. садовникъ, но скажите, какъ въ нихъ отличить соленые огурцы отъ свѣжихъ?
(Flied. Bl.).

„Исторіи Англіи“ 16 тыс. фунтовъ стерлинговъ. Рескинъ, не отличавшійся большой практической смѣтой, все-таки зарабатывалъ 4 тысячи фунтовъ стерл. ежегодно. Лордъ Бульверъ, авторъ знаменитыхъ „Послѣднихъ дней Помпей“, запродаля свои сочиненія на 10 лѣтъ за 12 т. фунтовъ стерл.

Нынѣ же здравствующій Киплингъ получаетъ по шиллингу за каждое слово. Англійскія слова отличаются замѣчательной краткостью, и знаменитый писатель зарабатываетъ сотни тысячъ рублей въ годъ. Десятки же современныхъ англій-

скихъ писателей меньшаго калибра умудряются зарабатывать десятки тысячъ рублей.

Домъ въ 57 этажей.

На улицѣ Бродвіи, въ Нью-Йоркѣ, сооружается домъ въ 57 этажей. По гигантской высотѣ это будетъ второе сооруженіе послѣ Эйфелевой башни. Постройка эта составитъ два самостоятельныхъ „небоскреба“ — одинъ надъ другимъ. Въ первомъ будетъ 31 этажъ, а во второмъ 26.

На вершинѣ этого колосса будетъ находиться маякъ съ прожекторами огромной силы, а въ двухъ этажахъ подъ нимъ — обсерваторія.

По проекту архитектора Жильбера, 34 подъемные машины будутъ поднимать посетителей. 12 лифтовъ большей скорости: шесть только до третьего этажа, а другие шесть — до сорока первого этажа. Къ маяку поведетъ винтовая лѣстница.

Ради пожарной безопасности лѣстницы и лифты будутъ заключены въ незагорающуюся сѣтку.

Фундаментомъ, заложеннымъ на глубинѣ 40 метровъ, послужатъ огромныя цементныя глыбы, опирающіяся на толстую каменную кладку. Съ вѣнчаной стороны зданіе будетъ отѣлано камнемъ и маюиковыми плитками разныхъ стилей.

Стоимость постройки обойдется въ 37,500,000 франковъ. Работы потребуютъ 1.500,000 кубическихъ метровъ разнаго материала.

Молитва на пшеничномъ зернѣ.

Въ числѣ рѣдкостей британскаго музея въ Лондонѣ находится замѣчательный образецъ микроскопической рукописи, принадлежавшей покойному Сэрю Моисею Мантефиоре.

Рукопись эта представляетъ древне еврейскую молитву въ 386

— О чѣмъ ты плачешь Петъка?
— Я думаю о томъ, что будетъ теперь дѣлать мой братишка.
— Да въ чѣмъ дѣло?
— Я сѣѣлъ его колбасу.
(„Flied. Bl.“).

буквъ, помѣщеннную на одномъ пшеничномъ зернѣ.

Покойный благотворитель получилъ это зерно изъ Иерусалима отъ одного изъ своихъ друзей, котораго онъ выручилъ въ трудную минуту жизни. Сэръ Мантефиоре никогда не разставался съ этой молитвой, нося ее на шеѣ въ шелковой ладонкѣ, и только передъ своей кончиной завѣщалъ ее въ даръ британскому музею.

